

Конечный вывод состоит в том, что, прежде чем выбросить на свалку „ленинский нарратив“ об истории революции, следовало бы по крайней мере суметь его опровергнуть. *Hic Rodus hic salta.*

Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению

*Могильницкий Б. Г.,
д.и.н., ТГУ*

Чем значительней историческое событие, тем дольше и извилистее путь к его общепризнанной оценке в науке и обществе. Стала хрестоматийной приписываемая Чжоу Энь-Лаю сентенция о невозможности определить историческое значение Великой Французской революции, так как прошло всего 200 лет с ее начала. А нашей революции исполнилось всего 90 лет. Типологически близкая к ней по своим масштабам, характеру, яростным вспышкам кровавого насилия, утопическим проектам всеобщего счастья и благоденствия и горьким разочарованиям в них и вместе с тем - по своему всемирно-историческому значению, Русская революция, как и ее предшественница, обречена на разномыслие в подходах к ее осмыслению.

Даже во Франции, где за два с лишним века казалось бы должны утихнуть страсти, ее великая революция продолжает оставаться в эпицентре жарких научных и общественных дебатов, обострившихся как раз в связи с празднованием ее 200-летия. В его преддверии во французской историографии сложилось так называемое ревизионистское направление, инициированное Ф. Фурье. Критики революции обвиняют ее в разрушении экономики, массовом терроре и создании в стране тоталитарного режима, в геноциде против собственного народа, ставшего образцом для всех будущих геноцидов, в особенности сталинского и гитлеровского. Как констатирует видный представитель противостоящего ревизионистскому «якобинского» направления М. Агюлон, «поношение французской революции по всякому поводу и без всякого повода становится интеллектуальной модой и

проявляются в наиболее распространенной ежедневной прессе», а также на телевидении¹.

Что же тогда говорить о России! Преобразивший мир Великий Октябрь. Великая Октябрьская социалистическая революция. Кровавый большевистский переворот, надолго оторвавший Россию от мировой цивилизации. Разрушивший страну военный переворот. Красная смута. Жидо-массонский заговор. «Ошибка истории». 1917 год, окончившийся 37-м... Несть числа определениям Русской революции, претендующим на однозначное выражение ее смысла и исторического значения. Столь же диаметрально противоположны такие же однозначные оценки ее деятелей, также преимущественно смахивающие на приговор.

Не умножая подобного рода оценок революции, вспомним сформулированную М. Блоком заповедь для историка не судить, а понимать прошлое и его деятелей. Обратимся к ходу его мыслей на этот счет, тем более, что они имеют непосредственное отношение к нашей теме, навевая поразительные аллюзии. М. Блок указывает на опасность использования исторической наукой оценочных суждений, так как, выступая в роли некоего судьи подземного царства, обязанного восхвалять или клеймить позором почивших героев, и легко изменяя свой приговор, подверженный всем колебаниям коллективного сознания и личных пристрастий, историк неминуемо дискредитирует свою науку. Не удивительно поэтому, продолжает он, что «история слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями». Столь же актуален для нас и следующий за этими словами призыв: «Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, Бога ради, попросту, каким был Робеспьер?!»²

Обратим особое внимание на предостережение М. Блока относительно того, что привычка судить, когда «отблеск страстей прошлого смешивается с пристрастиями настоящего», превращая реальную человеческую жизнь в черно-белый негатив, в конечном счете отбивает привычку понимать³. Оговоримся, что блоковская заповедь не судить отнюдь не равнозначна призыву к бесстрастному повествованию о событиях и деятелях революции. Обращаясь к своему революционному прошлому, историк не может уподобляться летописцу, равнодушно внимающего добру и злу, что неизбежно ведет к несовместимому с его социальной ответственностью аморализму. Другое дело, что его оценочные суждения должны основываться на всестороннем объективном анализе революционных процессов, а не быть сродни безапелляционному судебному вердикту, носящему выраженный конъюнктурный характер.

¹ О дискуссиях в современной французской историографии о Великой французской революции см.: Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000. С. 271-275.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., дополн., М., 1986. С. 80.

³ См.: Там же.

Признаем также, что понимание такого события всемирно-исторического масштаба, каким является Русская революция, всегда будет основываться на знаниях, являющихся по своей природе относительными, вероятностными, не только вследствие поступательного процесса их накопления, но и, не в меньшей мере, в силу тех его долговременных последствий, которые сказываются на всех сторонах жизни общества, получая на разных этапах его трансформации различную трактовку. Согласимся, например, что в 1945 или 1961 гг., с одной стороны, и в конце 1980-х-1990-е гг., с другой, видение Октября в российском обществе было весьма различным. Согласимся также, что это различие не может быть отнесено только на счет конъюнктурных шараханий вчерашних «верных ленинцев». В его основе лежали радикальные перемены во внутреннем и международном положении страны, что закономерно вело к переоценке исторического значения революции и роли ее вождей. Столь же закономерно, что набирающие силу в российском обществе начала 2000-х гг. стабилизационные процессы способствуют росту его более взвешенного отношения к своему революционному прошлому, восстанавливающему утраченную в массовом сознании предшествующего десятилетия связь времен.

Отсюда следует, что в разные исторические периоды на передний план в отношении к революции выступают разные ее грани. Но это означает, что ее понимание как целостного феномена возможно лишь при системном подходе к изучению революционного процесса в длительной исторической перспективе. В этой связи представляется уместным обращение к предлагаемой Ф. Броделем оригинальной трактовке революции в русле его известной теории о разных скоростях социально-исторического времени. Вопреки общепринятому толкованию этого понятия, используемого для обозначения событий насильственных и быстрых, французский ученый замечает, что в социальных явлениях «быстрое и медленное неразделимы». Поэтому «революционные взрывы суть вулканические проявления, краткие и жестокие, этого латентного и большой продолжительности конфликта». Вследствие этого, заключает он, при изучении революционного процесса «проблемой всегда будет сблизить длительный и краткие сроки, признать их родство и их нерасторжимую зависимость (друг от друга)»¹.

С этих позиций Ф. Бродель подходит к изучению промышленной революции, которая в его интерпретации «была одновременно серией ярких событий и процессом, вполне очевидно, очень медленным. Игра шла разом в двух регистрах»². В изображении ученого, будучи революцией в общепринятом смысле, она также являлась процессом весьма длительной протяженности, незаметным, медленно нарастающим в течение многих столетий. Следуя, по собственному выражению, «вверх по течению», он добирается до «первой промышленной революции в Европе» - использованию лошадей как тягловой силы и т. п.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 554.

² Там же.

Трудно переоценить методологическое значение такой трактовки революции, которая с известными коррективами может быть распространена и на революцию социальную. Использование диалектики долгого и короткого времени должно составить надежный заслон идеологизированным, да и просто поверхностно-оценочным, сиюминутным суждениям о таких судьбоносных событиях, какими в истории человечества являются великие социальные революции.

Обращаясь к Русской революции мы, разумеется так далеко «вверх по течению», как это делал Ф. Бродель, спускаться не будем. Но не будем ограничиваться и коротким, предреволюционным временем, как это нередко делается в объяснении ее причин, когда на авансцену выдвигается роль I мировой войны. До сих пор можно встретить безапелляционные утверждения, будто «война породила революцию»¹. В действительности предпосылки революции назревали на протяжении всего XIX в., выражаясь не только в прогрессирующем обострении в стране социально-экономических противоречий и политической борьбы, но и, что не менее существенно, хотя гораздо труднее поддается верификации, в духовной трансформации российского общества.

Именно на ней будет сосредоточено наше преимущественное внимание, ибо речь идет о российской ментальности, являющейся одним из ключевых факторов революционного процесса. До настоящего времени сохраняет свое значение бердяевское положение о стремлении не знающего «золотой середины» русского мышления к «пределу»². Оно было обоснованно на материале произведений русской классической литературы XIX в., сумевшей предугадать некоторые существенные черты грядущего революционного взрыва в стране.

Действительно, русская литература, начиная с А. С. Пушкина, полна предчувствиями такого взрыва. В особенности поражает лермонтовское «Предсказание» (1830), в котором шестнадцатилетний юноша почти один к одному описал то, что произошло почти столетие спустя в стране. Напомню только первую строфу этого замечательного стихотворения: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет, / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь».

Что стояло за этим гениальным прозрением? Какие глубочайшие пласты народной ментальности скрывались за ним? Насколько возможна их рационализация в целях системного объяснения природы латентного периода Русской революции, а следовательно и ее самой? Иными словами, речь идет о том, насколько возможно с помощью современной научной методологии исторического исследования обнаружить и объяснить происходившую в этот период трансформацию народной, прежде всего крестьянской ментальности.

¹ См. напр.: Уткин А. Бессмысленные задания // Литературная газета. 2007. № 21. С. 4.

² См.: Бердяев Н. А. Духи русской революции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 64-65.

В этом отношении представляется весьма перспективной разработанная И. Ю. Николаевой технология полидисциплинарного анализа, фокусирующаяся на изучении бессознательного. Являющаяся удачным опытом системного объяснения взаимодействия объективного и субъективного начал в историческом процессе, она позволяет обнаружить некоторые важные реперные точки латентного периода Русской революции. Тем более, что сама Ирина Юрьевна убедительно показывает эвристические возможности своей технологии, в частности, на российском материале. Сошлюсь на вызвавший оживленную дискуссию на одной из всероссийских научных конференций ее анализ полуанекдотического происшествия, случившегося в 1860-е гг. в Воронежской губернии и зафиксированного в исторической литературе. В одном из сел крестьяне общими усилиями пытались поднять на церковную колокольню новый колокол, но безрезультатно. Тогда после многочисленных неудачных попыток местный дьяк, сочтя, что колокол не поднимается из-за большого числа грешников среди прихожан, потребовал, чтобы из толпы вышли снохачи. Неожиданно в сторону отошла почти половина собравшихся, после чего колокол был успешно поднят.

Под пером И. Ю. Николаевой казус со снохачами становится предметом разностороннего исследования ментальных установок русского крестьянства, выводящего на понимание трансформации крестьянской ментальности как одного из факторов назревания в стране революционной бури. «Казалось бы, - пишет она, - глубоко укорененные в глубинных пластах сознания политические мифологемы русского крестьянства («царь-батюшка» - «самодержец») на поверку, как показала действительность революций начала XX в., оказались чрезвычайно хрупкими», ибо за ним скрывался «феномен психологической слабости авторитарной личности»¹. Так раскрывается социокультурная изоморфность установок ментальных (гендерных) и политических. Это, в свою очередь, позволяет говорить о ментальности как системе, которая структурируется модусами умонастроений разных социальных групп и страт, имеющих свою культурно-историческую специфику и алгоритмы исторической динамики.²

Изучение трансформации ментальности под этим углом зрения в режиме долгого времени открывает новые перспективы для постижения природы Русской революции. Сошлюсь на авторитет И. Д. Ковальченко. Крупнейший историк русского дореволюционного крестьянства в своей последней программной статье подчеркивал, что в российской истории «социально-психологическое, ментальное оказывало огромное воздействие на позиции и деятельность всех слоев общества, и без его учета невозможно понять и правильно объяснить явления и процессы». Обосновывая это положение на примере крестьянской ментальности, он заключал: «Короче говоря, ментальность, социально-психологическое восприятие действительности и обусловленные этими мотивами деятельность и поведение – важнейшие компоненты

¹ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск., 2005. С. 255.

² См.: Там же. С. 256.

и движущая сила исторического развития, которые требуют самого пристального внимания историков. Можно даже сказать, что в настоящее время это едва ли не самая актуальная задача»¹. В особенности, добавим, при изучении таких масштабных событий, как Русская революция, где именно на этом поле возможны сейчас существенные прорывы в ее понимании.

Создается, однако, впечатление, что в отечественной историографии революции тема ментальности пока не стала приоритетной, хотя само это понятие используется весьма широко². Скажу больше – активно прокламируемый с конца 1980-х гг. цивилизационный подход по-прежнему явно недостаточно привлекается для целостного осмысления революционного процесса в России.

Одно из немногих исключений демонстрирует И. Н. Ионов, внимательно прослеживающий его ментальные основы. Подчеркивая, что «победа Октябрьской революции не была случайностью», он указывает, что «большевики опирались в своей деятельности на могучие тенденции общественного развития и не менее мощные пласты общественного сознания». По убеждению автора, большевиков «вынесла на историческую арену волна форсированной модернизации России во второй половине XIX – начале XX вв.», которая спровоцировала социокультурную инверсию. Речь идет, поясняет он, об архаической, уравнилельной, общинной реакции крестьянства, затронувшей также настроения значительной части городского населения. «Ощущение несправедливости условий жизни, - пишет Игорь Николаевич, - нарастало, как взрыв. Его еще более усилила война, когда эти настроения распространились на армию. В результате Октябрьская революция, начавшаяся как вялотекущий процесс вытеснения Временного правительства из сферы власти, легко, в течение нескольких месяцев смела весь жизненный уклад дореволюционной России»³.

Связь между I мировой войной и революцией И. Н. Ионов объясняет с помощью понятия «революция ожиданий», как характеристики всякой социальной

¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 17.

² Это при том, что она привлекает серьезное внимание историков, изучающих 1930-е гг. Отметим, в частности, ее систематическое обсуждение на страницах ежегодника «Социальная история». И только редко встречаются интересные исследования о повседневной жизни в годы революции. Таково, например, гендерное исследование, реконструирующее восприятие символов и образов революции 1917 г. детьми – ее современниками (см.: Сальникова А. А. Немного о «красном революционном козле», или Девочки – современницы о символах и образах революции 1917 года // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 19).

³ Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – конец XX века: Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 278. По своему жанру эта книга далеко выходит за рамки обычного школьного учебника, являя собою органический сплав учебного пособия и научного исследования. Именно в своем последнем качестве она нас и интересует.

революции, порождаемой достаточно длительным ростом благосостояния людей, становящемся привычным фактором общественной жизни. Такова, пишет он, была тенденция предвоенного развития России. Начало войны в массовом сознании рассматривалось как путь к новым успехам и процветанию. Это были, подчеркивает Игорь Николаевич, «эсхатологические ожидания, вследствие чего военные поражения и продовольственные затруднения воспринимались как катастрофа. Но не желая расставаться с ними, «люди стали надеяться не на царя и армию, а на большевиков и коммунизм». Ибо ментальность большевиков была изоморфна народной ментальности: неразвитым элементам буржуазной культуры (либеральным ценностям) противостояли архаические, уравнилельные ценности культуры народной, которые воспринимались как демократические, т. е. заведомо предпочтительные. «В идеологии большевиков, лозунге «Вся власть Советам!», - заключает автор, - соединялись народные представления о сильной Власти и Воле, т. е. самоуправлении и социальной справедливости. Их воплощение в жизнь казалось достаточным условием для счастья людей и процветания страны... Тенденция все доводить до предела, нетерпимость к неизбежным противоречиям общественной жизни, эсхатологические ожидания населения способствовали массовой поддержке коммунистического проекта»¹.

Такой подход позволяет достичь взвешенное освещение революционных преобразований, свободное как от их былой апологетики, так и от огульного обличения политики большевиков. В стремлении к пределу и с связанной с ним нетерпимостью И. Н. Ионов усматривает истоки установления в стране авторитарного, а затем и тоталитарного режима. В то же время он подчеркивает, что «большевистская революция воплощала мечту русской разночинной интеллигенции о реализации высоконравственного жизнеустройства, основанного на равенстве и братстве между людьми»². Наряду с этим, пишет автор, «большевизм был родственен и народной православной культуре с ее идеалом существования безгрешных людей – праведников в закрытой для зла стране». С этим было сопряжено свойственное большевикам эсхатологическое ощущение, что наступают «последние времена», а самих себя – силой осуществляющей Страшный суд над эксплуататорами. Это чувство позволяло им уничтожать, «сознавая свою моральную силу, целые социальные группы, разрушать церкви и мечети». Коммунистический цивилизационный проект, заключает И. Н. Ионов, «был откровенно утопическим. Его согласование с реальностью заняло много времени и стоило невероятных жертв»³.

Приведенный ход рассуждений принципиально отличается от распространенных обвинений в социальной демагогии большевистского руководства, якобы использовавшего в целях захвата власти и ее укрепления традиционалистские пласты народной культуры. В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С.284.

³ Там же. С.284-285.

Большевики не манипулировали народной ментальностью, а являлись ее носителями. С этим генетически связаны крупнейшие достижения революции и ее оглушительные провалы, ее величие и ее трагизм.

Наработанный в современной литературе опыт историко-ментальных исследований не только обогащает новыми красками палитру методологических подходов к изучению Русской революции, но и предлагает более строгие ориентиры для ответа на извечный вопрос, чем же все-таки должен заниматься историк: судить или понимать. Конечно понимать, но руководствоваться при этом твердыми нравственными принципами, открывающими возможность непредвзятой оценки исполненной внутренней противоречивости Русской революции, необычайно богатой своими столь же противоречивыми последствиями, близкими и отдаленными.

Особо выделим связь революции и модернизационных процессов в стране. Об этом хорошо известном факте едва ли стоило упоминать, если бы не стойкое бытование в отечественной и зарубежной историографии односторонне-упрощенного толкования модернизации как преимущественно социально-экономического по своей природе феномена. Даже такой авторитетный исследователь, как И.Валлерстайн, полагая, что революция 1917 г. являлась прежде всего политической победой интеллигенции, писал, что она была порождена бюрократической модернизацией. Ее суть он усматривает в «программе Витте – Сталина», направленной на осуществление политики догоняющей индустриализации, стратегической целью которой являлось создание военно-индустриальной империи, в чем Сталин и преуспел¹.

Ограниченность такого подхода к модернизации заключается в том, что, акцентируя действительно важную сторону модернизационных процессов (догоняющую индустриализацию), он отказывается по существу от ее осмысления как целостной системы обновления общества. Напротив, историко-ментальный подход ориентирует на выявление всей совокупности составляющих это обновление процессов, а сама модернизация трактуется как цивилизационная категория, обозначающая исторически длительное движение от традиционалистского общества к современному, протекающее в определенной социокультурной среде, обуславливающей в каждом конкретном случае его особенности, его взлеты и срывы. Именно эти последние особенно характерны для российской модернизации, без учета чего не может быть до конца понята Русская революция.

«Начиная с раннего Нового времени и заканчивая постперестроечным периодом, - заключает И. Ю. Николаева, - процесс модернизации на российской национально-исторической почве обнаруживает некие инвариантные черты. В частности, фактически все этапы российской модернизации в той или иной степени сопровождались если не историческими срывами, откатами назад, то пробуксовкой

¹ См.: Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С.33-37.

процессов реформирования»¹. Развивая это положение в другой своей работе и формулируя общетипологические черты российских процессов модернизации, Ирина Юрьевна подчеркивает, что все отмеченное выше «делало неизбежными для сопровождающих кризисные эпохи периоды архаизации сознания и поведения людей»².

В этом контексте большевистская модернизация российского общества предстает как «форма цивилизационного кризиса»³. Оговоримся при этом, что обращение к изучению модернизации в цивилизационном ракурсе отнюдь не требует весьма распространенного в новейшей историографии отказа от формационного подхода, так как в исследовательской практике оба эти подхода необходимо дополняют друг друга. Тому немало примеров и в зарубежной, и в отечественной науке. Что же касается такого грандиозного и противоречивого явления как большевистская модернизация, то она может быть адекватно осмыслена только на стыке обоих подходов. И, конечно, сама Русская революция.

Так поступает И. Н. Ионов, обращаясь в поисках ее причин, как уже отмечалось, не только к мощным пластам народного сознания, но и к «могучим тенденциям общественного развития». Освещая их, он тщательно прослеживает происходившие в российском обществе формационные сдвиги, радикально отразившиеся на его структуре. При этом автор органически увязывает их с тенденциями развития мирового капитализма, в особенности проявившимися в годы I мировой войны. Благодаря этому обогащается и становится более убедительным сам цивилизационный подход. Повторюсь, чем более значительней является историческое явление, тем настоятельнее является привлечение обоих подходов, их своеобразная «стыковка» в его изучении.

Между тем такая «стыковка» далеко не всегда присутствует в новейшей литературе о Русской революции, вследствие чего даже наиболее значимые оценки революционного процесса страдают известной односторонностью. Таков ход рассуждений именитого исследователя революции Ю. А. Полякова, рассматривающего ее как часть своеобразного российского исторического процесса. Научная плодотворность такой постановки вопроса несомненна, но подход к его решению не представляется бесспорным. По существу дело сводится к борьбе нового со старым, задушившем «революцию в своих материнских объятиях». Не говоря о том, что это скорее просто метафора, никак не обосновываемая содержанием статьи, из всей логики дальнейших рассуждений ее автора следует, что своеобразие российского исторического процесса он ограничивает сферой социально-экономических отношений, рассматриваемых в русле формационного подхода. Не

¹ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза. С. 266.

² Николаева И. Ю. Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск, 2007. С. 53.

³ Ионов И. Н. Указ. соч. С. 285.

случайно Юрий Александрович далее пишет о возникшем в результате победы революции соревновании двух систем. «Капитализм, - продолжает он, - выиграл это соревнование, оказался более гибким и эффективным. Он сумел успешно использовать достижения научно-технической революции, пошел на социальные компромиссы, провел политические и социально-экономические реформы»¹. Не будем полемизировать с этим утверждением, но все же признаем, что лежащий в его основании подход не исчерпывает существа поднятой автором проблемы. Ибо осмысление особенностей исторического пути России и самой революции необходимо предполагает привлечение цивилизационных ценностей, характеризующих российскую локальную цивилизацию и обогащающих понимание революции.

Показательным примером могут служить умозаключения исследовательницы политической истории революционных событий в России В. Д. Зиминной. Их неоспоримым достоинством является обращение к современным методам цивилизационного исследования. Формулируя свою методологическую позицию, она подчеркивает, что «историк должен владеть всей суммой данных культурной антропологии и интерпретировать установки и привычки сознания, способы артикуляции и усвоения картины мира». Ибо первоочередной исследовательской проблемой является изучение «суммы ментальностей, в которые погружены различные исторические феномены, погруженные, в свою очередь, в свой специфический эфир (ментальность эпохи)»².

Так в изучение революции вводится перспективное историко-антропологическое измерение, существенно расширяющее ее исследовательское поле. В частности, оно позволяет более глубоко понять причины провала капиталистической модернизации России, завершившейся грандиозным революционным взрывом. В этом ключе В. Д. Зимина рассматривает трансформацию взаимоотношений государственной власти и различных социальных и национальных групп российского предреволюционного общества в процессе его политической модернизации, особо выделяя значение многонационального характера Российской империи. В полиэтническом обществе, пишет она, проблема модернизации «усугубляется тем, что разные этносы в силу собственных социокультурных воззрений по-разному видят содержание и технологию модернизационного процесса. Кроме того, предлагая свои «национальные» рецепты модернизации, они во главу угла ставят сохранение своей этнической идентичности, «самости», при утрате которой модернизация утрачивает смысл»³. В этом автор усматривает важнейший фактор срыва модернизационного процесса в России, поскольку его особая

¹ Поляков Ю. А. Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 290.

² Зимина В. Д. Предисловие // История России. 1894-1917: Лекции и учебно-методические материалы. М., 2005. С.4.

³ Там же. С.5.

болезненность и конфликтность в полиэтнических странах чревата революционными катаклизмами.

Таким образом в число предпосылок Русской революции, требующих специального изучения, включается этно-политический фактор. Анализ политики государственной власти в свете ее неспособности эффективно осуществлять капиталистическую модернизацию в ситуации разнонаправленных, порождающих острые конфликты интересов многочисленных этносов, населявших предреволюционную Россию, может пролить дополнительный свет на проблематику революции. Да и сама модернизация предстает перед нами в гораздо более сложном и противоречивом облике, чем когда в ее интерпретации проводится прямая линия от Витте до Сталина.

Итак в исследовании занимающей нас проблематики цивилизационный подход в настоящее время представляется наиболее перспективным. Как свидетельствует историографическая практика, он обладает значительным эвристическим потенциалом, позволяющим обозначить историческое место революции в системе координат, характеризующих своеобразие исторического пути России как особой локальной цивилизации. В этом ракурсе оказывается возможным раскрыть органическое единство общего и особенного в российской истории, породившее в конечном итоге Русскую революцию во всей противоречивости составляющих ее содержание явлений. Она возвещала начало реализации грандиозного цивилизационного проекта, требующего для своей объективной оценки постоянного обогащения и совершенствования методологического инструментария исследователей в общем направлении «стыковки» цивилизационного и формационного подходов.

Пренебрежение последним или тем более его заведомое отвержение ограничивает исследовательские горизонты даже в тех сферах, где цивилизационный подход демонстрирует свою научную плодотворность. Как например, в освещении причин неудачи политической модернизации России в конце XIX – начале XX вв., обстоятельно рассмотренных В. Д. Зиминной. Однако при несомненной важности поднятой ею проблемы Русская революция может быть понята лишь в более широкой перспективе, охватывающей все грани исторической жизни страны, начиная с формировавшихся веками особенностей ее социально-экономического развития, требующих для своей реконструкции элементов формационного подхода. Иначе повисает в воздухе сама этно-политическая составляющая революции. Поэтому примечательно, что даже приверженцы строгого цивилизационного подхода в своей историографической практике в той или иной степени выходят за его рамки, обращаясь с целью объяснения трансформации российских политических институтов в канун и в начале революции к освещению социально-экономической проблематики.

Так, в частности, поступают авторы коллективного издания, методологическое кредо которого означено в цитирувавшемся выше предисловии В. Д. Зиминной. В этой книге рассматриваются трансформации политической системы в стране, зигзаги внутривнутриполитического курса правительства, становление российского

парламентаризма, деятельность политических партий и другие факторы политической модернизации, приведшие в конечном счете к ее срыву. Но, достаточно неожиданно для общей концепции издания, характеристику политической модернизации предваряет открывающая книгу содержательная лекция «Модернизация экономики», помогающая понять неудачу правительственных «полуреформ».

Констатируя, что крушение монархии поставило российскую политическую систему перед выбором – диктатура или демократия, авторы книги убедительно показывают, что торжество той или другой альтернативы обуславливалось не столько расстановкой основных политических сил, сколько исторической почвой, на которой протекала их деятельность. В «Общем выводе к разделу V» подчеркивается, что в сложившейся политической ситуации становилась неизбежной победа большевистской (социалистической) альтернативы. Поставленный в заголовке 23-й лекции этого раздела вопрос «Октябрь в Петрограде: революция или переворот» получает здесь недвусмысленный ответ. Большевики, пишут авторы, оказались единственной политической силой, способной взять власть в свои руки, так как они обладали «политической программой, учитывавшей особенности российского менталитета (общинность, соборность, отсутствие иммунитета частной собственности и правовой культуры)»¹.

Признавая, что «с этой точки зрения приход большевиков к власти был закономерен», авторы заключают, что тем самым изначально была ликвидирована возможность развития российской государственности по пути ее демократизации. Этот вывод вытекает из целевой установки книги, но отнюдь не исчерпывает сути дела. Обозначенная ими дилемма трансформации российской государственности в сторону ее демократизации или «завинчивания гаек» не может претендовать на статус основного вопроса Русской революции, решение которого определяло ее историческое значение. Масштабы изменивших мир революционных преобразований предостерегают от узко политического подхода к ее оценке, во-первых, а, во-вторых, от игнорирования присущего ей конструктивного творческого начала.

Признание его ни в коей мере не означает возвращения, хотя бы частичного, к былой идеализации революции. Она запятнала себя кровавыми насилиями, ввергла страну в кошмар братоубийственной гражданской войны. Провозглашенный большевиками цивилизационный проект обернулся ликвидацией целых социальных классов, преследованием религиозных конфессий и их служителей, насаждением единомыслия, массовыми политическими репрессиями, складыванием воевавшего с собственным народом тоталитарного режима. Но памятуя об этом, мы не вправе забывать и о присутствии революции созидательном начале.

Между тем многие приверженцы цивилизационного подхода оставляют в тени или прямо отвергают его, акцентируя разрушительный характер Русской

¹ История России, 1894-1917. С.429.

революции, таящий в себе угрозу всей мировой цивилизации¹. В новейшей литературе эту линию продолжает В. Д. Зими́на, что выражается в ее периодизации революционного процесса. «Если, - пишет она, - российскую революцию 1917 г. воспринимать как выражение имперского кризиса страны, вызванного напряжением модернизации и переходом от традиционного общества к современному, а также как насильственную ломку и реконструкцию всей политической системы и общественных отношений, то Гражданская война выступает в качестве признака перехода от одной фазы революционного разрушения к другой, более радикальной»². Гражданская война в этой периодизации получает одностороннюю психологизированную и даже биологизированную интерпретацию. Вслед за В. П. Булдаковым автор пишет о том, что революционная смута XX в. вылилась в войну, так как «социальный психоз российского общества на почве крушения целостного представления о мире и первенства исключительно физиологических потребностей, мог проявиться только в братоубийственной войне»³.

В. Д. Зими́на, как и ее предшественники, приводит убедительные свидетельства разрушительного характера революции. Однако они несоизмеримы с социально преобразующими масштабами Русской революции, вдохновленными идеалами Октября. В это связи нуждается определенном уточнении справедливое в своей основе положение о генетической связи революции и открытого ею советского периода российской истории. Прислушаемся к высказанным на этот счет соображениям Ю. А. Полякова. Признавая, что «Октябрь неотделим от последующей истории», он вместе с тем полагает неправомерным отождествление его со всем тем, что последовало потом. «Многие правильные идеи и начинания Октября, - аргументировано пишет Юрий Александрович, - были в дальнейшем искажены, забыты, трансформированы, отброшены. В практику последующих лет были привнесены постулаты, никакого отношения к Октябрю не имеющие и даже противоречащие ему. Жизнь отбрасывала революционный романтизм, вносила коррективы, идущие от прагматизма»⁴.

Речь, таким образом, идет о диалектике преемственности и разрывов в истории. Являющаяся общесоциологической закономерностью, она присутствовала также в развитии революционного процесса в России, что необходимо принимать во внимание в его общей оценке. В равной мере это относится и к диалектике красного и белого террора и взаимного brutального насилия в годы гражданской войны, а также к такому фактору его ожесточения как антибольшевистская интервенция.

¹ См. в особенности: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I-II. Новосибирск, 1997-1998; Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

² Зими́на В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. М., 2006. С.14.

³ Там же. С. 38.

⁴ Поляков Ю. А. Указ. соч. С.289.

Логика революционного процесса, включающая наряду с этим возобладание в политике прагматических установок, подчас весьма далеких от первоначальных программных целей, вела к искажению идеалов Октября, но не могла радикально перечеркнуть заключавшийся в Русской революции огромный социокультурный потенциал, который до конца раскрывается лишь в перспективе долгого времени, что позволяет именовать ее Великой революцией как в силу величия идей, под знаменем которых она вершилась, так и вследствие их долговременного, продолжающегося и поныне воздействия поистине планетарного масштаба.

Особо подчеркну присущее им гуманистическое начало, корреспондирующееся с народной духовностью и свойственным ей коллективистским духом. Как это на первый взгляд не парадоксально, оно смогло выжить, несмотря на трагические события гражданской войны и массовые репрессии. Это начало воплощалось в светлом, оптимистическом мировидении, пронизанном общечеловеческими ценностями с их воспеванием конечного торжества Добра над Злом. Можно возразить, что эти ценности были окрашены коммунистической идеологией и служили укреплению советского строя. Трудно с этим не согласиться. Их социальная заданность очевидна. Но разве когда-либо существовали абстрактные, внесоциальные ценностные системы и разве нам известны великие идеалы, выработанные в определенной системе духовных ценностей, которые бы в процессе исторической практики не искажались, порой до неузнаваемости, сохраняя при этом свое значение высшей этической нормы?

Сопоставим в этом плане с коммунистическим учением христианские ценности, к которым мы так привычно апеллируем. Разве не несут они на себе печать социальной заданности и разве по мере исторической трансформации христианства эта заданность неоднократно и весьма радикально не изменялась? Разве «божьи заповеди» в свое время не насаждались столь же яростно, с таким же свирепым нетерпением, помноженном на тотальное неприятие всякого инакомыслия, как и коммунистические идеи? Напомню о нескольких общеизвестных фактах из истории Средних веков и Раннего Нового времени, указывающих на определенную типологическую близость западного христианства и коммунизма, начиная с учения Отцов Церкви, санкционировавшего Божьей волей феодальный порядок вещей с его сословной организацией средневекового общества и кончая протестантской этикой Кальвина и других религиозных реформаторов XVI в., освящавшей первоначальное накопление капитала. А с другой стороны – крестовые походы и религиозные войны, жестокие преследования иноверцев и еретиков, пылающие костры инквизиции, не щадившей в своем рвении ни простолюдинов, ни клириков, ни великих ученых и мыслителей. Тем не менее христианство и поныне остается великой религией, формулирующей высшие нравственные ценности, имеющие вневременной характер. Какие бы подчас не устраивались на него гонения, как бы оно законодательно не запрещалось, его ценности обладают нормативным значением для современного человека, независимо от его социального статуса, идейных убеждений и т. п.

Нечто подобное относится и к провозглашенным Октябрем идеалам Русской революции, которые, подчеркнем, не являясь простой декларацией о намерениях, активно воплощались в разных сферах жизни советского общества. При всем их последующем искажении мы не можем не констатировать поразительную жизнестойкость заложенных в их основание духовно-нравственных начал, с наибольшей силой заявивших о себе в годы Великой отечественной войны советского народа. Несмотря на все преступления сталинизма Советский Союз являлся в своей основе нравственно здоровым обществом, что особенно рельефно выступает при сравнении его с современными российскими реалиями.

Ностальгия по СССР, нашедшая свое эмоциональное выражение в известной песне О. Газманова, высвечивает важную тенденцию в российской жизни, как впрочем и в жизни почти всего постперестроечного пространства, которая питается разными причинами, начиная с утраты былого геополитического положения страны. Но едва ли возможно ошибиться, указав на ее доминанту, проистекающую из жизни в расколотом обществе, где узкая каста сверхбогатых людей навязывает всему обществу свой образ жизни и поведения, свою мораль. Показательный штрих. Убежденный антикоммунист Вяч. Костиков, с тревогой отмечая нравственное неблагополучие в обществе, где согласно социологическим опросам молодые люди мечтают стать чиновниками с прицелом на «откаты», а среди выпускниц школ растет процент тех, кто готовы стать проститутками, «чтобы жить как Ксюша Собчак», в сердцах восклицает: «Где ты, Анка – пулеметчица? Где будущие Паши Ангелины и Валентины Терешковы?»¹

Совершающиеся в постперестроечной России парадигмальные социально-экономические и политические сдвиги, приводящие ее к органической интеграции в капиталистический мир-экономику, обернулись для страны тяжкими последствиями. Один только перечень их с лихвой заполнил бы всю отведенную для этой статьи площадь.

Остановлюсь на главном из них – нравственном растлении нации. Воистину бесчисленны формы, в которых оно происходит, и способы, которые при этом используются. Печальное первенство здесь принадлежит электронным СМИ, в особенности телевидению. «Порой складывается впечатление, - пишет известный правозащитник А. Приставкин, - что нашим телевидением руководит группа или идиотов, или террористов»². И дело не только в заполонивших все телевизионные сети программам шоу-бизнеса. Как точно подметил Илья Олейников, «даже новости у нас какие-то припудренные и без всякой человечности. Безразличный трагизм легко сменяется на безразличную радость. А глаза у ведущих пустые-пустые»³.

Агрессивное наступление масс-культуры по контрасту проливает дополнительный свет на природу провозглашенных Октябрем духовных ценностей.

¹ Костиков Вяч. Ши из олигарха // Аргументы и факты. 2007. № 27. С. 8.

² Там же. 2007. № 38. С. 11.

³ См.: Откуда нам черпать оптимизм? // Там же. 2007. № 27. С. 3.

Поэтому в совершенно иной исторической ситуации оказывается востребованной советская символика, а особенно – проникнутые идеалами революции произведения советской литературы и искусства. Это были, конечно, классовые идеалы. Однако в лучших произведениях советской классики более или менее явственно звучала также гуманистическая нота, благодаря чему они обретают сегодня новую жизнь. Лучшие советские фильмы, литературные произведения, песни выступают в качестве столь необходимых своеобразных антидепрессантов. В особенности знаменателен пробуждающийся интерес к ним у части молодежи. Так выстраивается цепочка: идеалы Русской революции – духовные ценности советского периода – преодоление бездуховности современного российского общества.

Не следует только предаваться иллюзиям. Указанная цепочка обозначает некоторую тенденцию, отнюдь не доминирующую на современном российском духовном ландшафте. В статистических выражениях она явно уступает тенденциям противоположного порядка. В своих многочисленных формах бездуховность разъедает российское общество угрожая самому его существованию как определенной культурно-исторической идентичности. Шокирующие цифры на этот счет приводятся на страницах «Комсомольской правды». По точным данным, полученным солидными социологами, лишь треть нынешних школьников, считают себя россиянами, гражданами России. Остальные отождествляют себя с людьми своей национальности или с теми, кто проживает рядом – на территории области, республики, края. При этом 47% в той или иной степени разделяют мнение «Россия – для русских». «Такого «развала» в сознании молодежи, - с понятной тревогой пишет автор публикации А. Милкус, - еще никогда не было за всю историю России! А от разрухи в умах недалеко и до реального развала страны»¹. Это, может быть, самый опасный признак того, что серьезно поврежден культурный код, на коем основывается национальная идентичность.

Причина тому – два взаимосвязанных фактора. Первый из них – торжество «бандитского», а затем «чиновничьего» капитализма, разрушившего традиционную систему ценностных ориентиров, табуировавшую асоциальные формы поведения. Оказалась перевернутой сама шкала ценностей, обозначавшая, «что такое хорошо и что такое плохо». На каждом шагу и на всех уровнях демонстрируется актуализм такой перевернутой шкалы, разъедающей духовное здоровье народа в эпоху первоначального накопления капитала. Отчасти этому способствует специфическая российская ментальность с ее стремлением к пределу, в особенности присущая новоявленным «хозяевам жизни».

С другой стороны, далеко не изжитая бинарная структура российской ментальности способствовала лавинообразному утверждению в посткоммунистической России западных социокультурных ценностей как

¹ Милкус А. Школьникам объяснят, за что надо любить Родину // Комсомольская правда. 2007. 28 декабря. С.3.

необходимого условия вхождения страны в мировую цивилизацию, отождествлявшуюся с западной. Следствием стала стремительная смена жизненных приоритетов, повлекшая за собою новый виток кризиса национальной идентичности. Не будем ввязываться в бессмысленную дискуссию, какие ценности «лучше». Но согласимся, что речь идет о цивилизационных ценностях, принадлежащих разным локальным цивилизациям и по ряду параметров просто не сопоставимых, поскольку они формировались в различных социоисторических и естественно-географических условиях. Поэтому нашествие западных ценностей расшатывало духовные основы российской цивилизации.

Вместе с тем, ревностно насаждая западные ценности, реформаторы «первого призыва» не смогли или не пожелали разглядеть за их внешней привлекательностью признаки нарастающего кризиса общества массового потребления, выражающегося в утрате своей исторической перспективы. Поскольку же западные ценности все более агрессивно навязываются всему миру, мы имеем дело с глобальной проблемой, напрямую затрагивающей основы будущего миропорядка и не поддающейся удовлетворительному решению в рамках западного культурного кода. Не случаен поэтому устойчивый интерес западных интеллектуалов к ценностям иного порядка.

В их числе наряду с богатейшим культурным наследием народов Востока заметное место занимают социалистические ценности, во многом конгениальные ценностям российской традиционной культуры. Подчеркну их неустранимость из современного мира вследствие объективных условий его существования, имманентно порождающих колоссальное социальное расслоение и, собственно, широкие протестные настроения, питающие многочисленные варианты социалистической идеологии.

Один из них получил наиболее фундаментальное обоснование в социально-исторической теории К. Маркса, с которой связаны идеология и практика Русской революции. Поэтому закономерна ее демонизация в посткоммунистической России. Знаменем времени стала имевшая шумный успех книга Вс. Вильчека «Прощание с Марксом», возвестившая об изначальной научной несостоятельности основных положений марксизма¹. Однако похороны его оказались явно преждевременными благодаря возрастающей востребованности в современных реалиях обоснованных в учении К. Маркса социальных идеалов. Сошлюсь на фундаментальное международное издание, посвященное обзору крупнейших социальных теорий современности. Отнеся к таковым марксизм, его редакторы признают, что он «все еще представляет важную генеральную теорию общества, которая соединяет экономику, политику и социологию с моральным анализом общества». А «поскольку, - заключают они, - становится ясным, что рынок не является решением всех проблем

¹ См. Вильчек Вс. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М., 1993.

XXI в., можно быть глубоко уверенным, что произойдет общее возрождение интереса к марксистской теории и ее дальнейшее развитие»¹.

Но именно Русская революция впервые перевела марксизм из сферы теоретической мысли в область социальной практики, раскрыв его потенциал как теории социального действия, способной преобразовать мир. Поэтому представляется перспективным изучение ее исторического опыта под углом зрения конвергенции двух систем. Ибо пренебрежение этим опытом обрекает на неминуемый провал любые попытки подобного рода, с какими бы благовидными целями они не предпринимались.

Поучителен в этом отношении опыт перестройки. Формулируя ее цели, М. С. Горбачев в одном из недавних интервью утверждал: «Наша программа была синтезом всего лучшего, что было в социализме и капитализме»². В действительности же все сводилось к последовательному отказу от социалистических ценностей в пользу либеральных (западных), которые тот же Горбачев провозглашал общечеловеческими. Проблема российско-советской духовности в этой программе вообще не рассматривалась. Ее подлинные ориентиры убедительно раскрывает один из ближайших сотрудников «Отца перестройки» и поныне сохраняющий ему верность, К. Н. Брутенц³. Чем все это закончилось, еще свежо в нашей памяти. Была дискредитирована сама идея конвергенции. В исполнении Горбачева и его команды синтез всего лучшего из обеих систем превратился в нечто, зеркально ему противоположное. Эта, с позволения сказать, эстафета с особым, ельцинским, размахом была продолжена реформами 1990-х гг., вызвавшими стойкое отторжение большинства населения от многих либеральных ценностей, во имя которых они проводились. Радикально не изменила положение и породившая новые противоречия в российском обществе относительная стабилизация начала 2000-х гг. Общее улучшение экономической ситуации и повышение жизненного уровня, сопровождается, как свидетельствуют данные многочисленных социологических опросов, сохранением чувства неуверенности в завтрашнем дне и непреходящей ностальгией по СССР.

Отметим в этой связи такое парадоксальное явление. В стране, необратимо вступившей на путь рыночной экономики, сохраняется в широком восприятии негативный образ капитализма, что побудило руководство Союза правых сил к созданию сети региональных комитетов в защиту...капитализма. Едва ли, однако, они преуспеют в своей цели, если их деятельность будет протекать на фоне откровений отечественных эпигонов либеральных воззрений столетней и большей давности. Таков, например, ход рассуждений лидера праволиберальной партии «Гражданская сила» М. Барцевского. Утверждая, что «демократия сегодня в России невозможна

¹ Profiles in Contemporary Social Theory. Edited by A. Elliot and B. S. Turner. London: Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 6-7.

² См.: Московские новости. 2006. № 31.

³ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.

потому, что мы не привыкли мыслить индивидуально», он настаивает: «Для демократии необходима совокупность интересов индивидуалистов, которые сами принимают решение, как поступить». Я цитирую интервью Барщевского, опубликованное в еженедельнике «Аргументы и факты» под явно эпатирующим названием «Мы не обещаем бабушкам поднять пенсию». Но за ним скрывается достаточно циничный подход классического либерализма к социальному вопросу. Декларируя опору своей партии на средний класс и интеллигенцию, т. е., поясняет автор, на людей, привыкших «свой хлеб зарабатывать головой», и замечая, что в современной России невозможно поднять пенсии до европейского уровня, он, заключая интервью, от имени своей партии обещает, что «для детей и внуков этих бабушек мы создадим условия, в которых они смогут работать и зарабатывать»¹. Если, конечно, добавим от себя, они доживут до той прекрасной поры.

Едва ли это интервью заслуживало бы такого внимания, если бы декларированная в ней праволиберальная идеология не являлась зеркальной контрверзой фундаментальных принципов российской православной духовности с ее обостренным вниманием к «униженным и оскорбленным» и совестливостью как особой нравственной категорией, несовместимой с самим духом капитализма.

Обращает на себя внимание распространенная в русской религиозной философии однозначная оценка России как страны антибуржуазной. «Для России характерно и очень отличает ее от Запада, писал Н. А. Бердяев, - что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии»². Эта мысль получила обстоятельное развитие в одной из его последних работ. «Действительное различие между Россией и Западом, - подчеркивалось здесь, - определяется совсем не марксистскими абстракциями...Россия никогда не была буржуазной страной в духовном смысле этого слова и есть опасность, чтобы она не стала буржуазной в коммунистическом строе. В России никогда не было выраженного буржуазного сознания. С этим антибуржуазным и антикапиталистическим характером России, не коммунистической только, но вообще России, связана миссия русского народа», осуществление которой должно вести «к единству человечества, к федерации и братству народов»³.

С иных идейных позиций антибуржуазность русского народа подчеркивал Г. П. Федотов. Одна из его излюбленных идей заключалась в исторически сформировавшейся антилиберальной подоплеке русского человека. Правда, в отличие от Н. А. Бердяева, он видит в этом недостаток «русскости», подавляющей в русском человеке личностное начало в пользу коллективистского. «Осознание значимости личности, ее собственного пути, ее призвания и прав, - пишет ученый, -

¹ Михаил Барщевский: «Мы не обещаем бабушкам поднять пенсии» // Аргументы и факты. 2007. № 36. С.9.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX вв. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.62.

³ Бердяев Н. А. Третий исход // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С.275.

развивалось на русской земле медленно и запоздало как в языческие, так и в христианские времена. В этом феномене таятся глубочайшие религиозные корни русского коллективизма»¹. Поэтому, заключает он в другой своей работе, после революции «в России не раздался ни один голос в защиту частной собственности. Конфискация всей промышленности была воспринята не одними большевиками, как акт почти нормальный, и, во всяком случае, справедливый. Социализм, который никак не укладывается в американскую голову, без труда был принят в России, а не только вкочленен насилием»².

Как бы мы не относились к этим суждениям, их необходимо учитывать в изучении исторического опыта Русской революции в диалектическом единстве его позитивных и негативных уроков. В современных интерпретациях эти уроки зачастую сводятся к банальностям типа, что еще одну революцию Россия не выдержит и поэтому для ее предотвращения необходимо укрепление стабилизационных процессов в обществе и преодоление кричащих социально-экономических контрастов, разъедающих его устои. Трудно с этим спорить. Однако действительная проблема, рассматриваемая в режиме долгого времени, еще ожидает своего исследователя.

Я затрону лишь один ее аспект, имеющий важное эпистемологическое измерение, указывающее на диалектику субъективно желаемого и объективно достижимого в революционном процессе. Один из положительных уроков Октября и всего открываемого революцией советского периода состоит в том, что была обозначена теоретико-методологическая и практически-политическая необходимость строгого учета всей совокупности факторов, определяющих динамику революционного процесса. Совершая революцию, большевики опирались на предпринятый в ленинском плане перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую анализ соотношения партийно-классовых сил в стране и общую оценку положения дел в России и мире («перерастание капитализма в его высшую и последнюю стадию»).

Их победа как будто бы подтверждала точность этого анализа. Однако в среднесрочным времени очень скоро обнаружили просчеты большевистского руководства, вытекавшие из ошибочного истолкования пределов возможного в его действиях, вернее, убежденности в отсутствии таких пределов, что и обусловило крутые повороты в его внутренней и внешней политике. Их начало положило крушение надежд на близкую мировую революцию, породившее вереницу острых политических кризисов в большевистском руководстве, вынужденном под давлением объективных обстоятельств радикально изменять свой политический курс.

¹ Федотов Г. П. Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10. С.30.

² Федотов Г. П. Проблемы будущей России (Первая статья) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры) /: В 2-х тт. СПб, София. 1991. Т. 1. С. 238.

В этом ракурсе, очевидно, следует рассматривать трагизм, которым были окрашены последние годы жизни В. И. Ленина, пришедшего к острому осознанию несбыточности своих явно завышенных первоначальных ожиданий, обернувшихся для России чередой кровавых потрясений. Трансформацию от политики военного коммунизма к НЭПу в целом возможно охарактеризовать как исполненный глубокого драматизма, внутренне противоречивый курс ленинского руководства, направленный на приспособление к внутренним и международным реалиям. В его основе лежало не только тактическое перевооружение коммунистической партии, но и смена ее стратегической цели, состоявшая в выработке нового взгляда на социализм. Остается гадать, к чему такая смена могла привести страну, если бы не тяжелая болезнь и смерть вождя революции.

Иной характер носила политика И. В. Сталина. Конечно она тоже учитывала объективные реалии (по утверждению известного английского историка Русской революции Э. Кара Сталин раньше других большевистских лидеров осознал крах надежд на мировую революцию). Но вектор его политики состоял в стремлении не столько приспособиться к ним, сколько подчинить их своей воле. Признаем, что эта политика не раз демонстрировала свою эффективность, но зададимся вопросом о ее чудовищной цене и в конечном, в долговременной перспективе, результате, выразившемся в масштабной дискредитации революции и самой коммунистической идеи. Образно выражаясь, «вождь всех времен и народов» пытался выйти за пределы возможного, доказать, что ему подвластно невозможное. И закономерен был финал дерзкой попытки заместить Бога на земле, поправ грани между возможным и невозможным»¹.

Справедливости ради нужно, однако, признать, и здесь обозначается новая проблема, что сталинская политика питалась ожиданиями широких масс, включая известную часть интеллигенции. Более того, она была бы невозможна без этих ожиданий, удесятиривших ее возможности. «Нам нет преград ни в море, ни на суши!» Эта строка из некогда популярного «Марша энтузиастов» точно выражала господствующее мировосприятие. Но за ней таился и иной, потаенный, смысл, выразившийся в убеждении в возможности достижения любой цели. Ибо, как пелось в другой, еще более популярной песне: «Мы все добудем, пойдем и откроем: / Холодный полюс и свод голубой! / Когда страна быть прикажет героем, / У нас героем становится любой». И страна, точнее режим приказывал, умело направляя в нужное русло общественные ожидания, прежде всего, молодежный энтузиазм.

Общественные ожидания суть общесоциологический феномен, присутствующий в различные исторические эпохи. Достаточно вспомнить

¹ По-своему был закономерен и финал жизни вождя. Известный исследователь последних лет жизни Сталина Н. Добрюха собрал обширный, преимущественно секретный материал, позволяющий с достаточной уверенностью утверждать, что он был отравлен своими соратниками. См.: Добрюха Н. Как убивали Сталина // Комсомольская правда. 2007. 21 декабря. С. 8-9; Он же. Сталина отравил Берия? // Там же. 2007. 25 декабря. С. 8-9.

напряженные ожидания в Средние века тысячелетнего Царства Божьего. В разной форме они имеют место также в Новой и Новейшей истории. Чем они сильнее и чем точнее улавливаются и рефлексированы определенными политическими силами, тем значительнее совершающиеся в обществе перемены. Но тем актуальнее проблема осознания победителями пределов возможного в их преобразовательной деятельности. Русская революция демонстрирует тяжелые последствия того случая, когда исторические деятели пытаются выйти за эти пределы.

Предлагаемые в статье соображения, разумеется, не могут претендовать на непогрешимость. Они носят сугубо постановочный характер, преследуя цель расширения дискуссионного поля в изучении Русской революции. Тем более, что прошедшее 90-летие революции, вызвав новый всплеск исследовательского и общественного интереса к ней, не приблизило к единомыслию в ее оценке. По-прежнему сохраняются коренные различия в понимании ее природы и исторического значения, вытекающие в конечном счете из раскола российского общества. Замечательным тому подтверждением является организованная летом 2007 года редакцией «Литературной газеты» дискуссия о роли революции в истории России, ее истоках и движущих силах, победах и провалах, героях и жертвах, преподанных ею стране и всему миру уроках. Цель заключалась в стремлении увидеть главное событие XX в. незашоренным взглядом, отличным как от классических советских догм, так и от пришедших им на смену идеологическим клише. Подводя итоги дискуссии и отмечая, что в ее ходе взгляд на события 1917 г. стал более стереоскопическим, менее плакатным и однобоко радикальным, редакция газеты, однако признает: «И все же захлебывающиеся эмоции, безапелляционность, убежденность единственно в собственной правоте тоже никуда не пропали»¹.

Действительно, это так. Тон дискуссии задали большие статьи А. И. Солженицына (ЛГ. 2007. № 29) и В. Т. Логинова (ЛГ. 2007. № 30), написанные с диаметрально противоположных идейных позиций. В ее дальнейшем ходе между этими крайними полюсами был представлен широчайший спектр едва ли ни всех мыслимых оценок исторического значения революции, как правило, сопряженных с анализом современного состояния России. Дискуссия, в которой наряду с историками приняли участие известные общественные деятели, творческие работники, политологи и т. д., с большой силой продемонстрировала немеркнущую актуальность революции в нашей исторической памяти. Не ставшая до сих пор прошлым в полном смысле этого слова, она тесно связана с жгучими политическими, социальными и духовными проблемами сегодняшней жизни. И, можно полагать, что если будет сохраняться и даже, как в настоящее время, усугубляться раскол российского общества, будет сохраняться и разномыслие в ее оценках.

Не упуская это обстоятельство из виду, не будем, однако, его абсолютизировать, так как существуют научно-объективные причины

¹ См.: Уроки Октября: взгляд из XXI века // ЛГ. 2007. № 45. С.3.

продолжающихся дискуссий, которые должны привлекать наше первостепенное внимание. Последуем за ходом мыслей на этот счет Ю. А. Полякова. «Негативное и позитивное воздействие Октябрьской революции, - пишет он, - удивительно широко и многообразно. Вопрос о роли и месте Октября в контексте истории России и мировой истории включает множество сложных, требующих анализа и обобщений проблем. Они с наличием противоположных взглядов, с дискуссиями будут изучаться многими поколениями ученых, причем не только в России». И заключает: «Дискуссии не закончатся никогда»¹.

Но, следует обязательно добавить, это не бесконечное движение по замкнутому кругу, когда исследователи, придерживающиеся разных взглядов, не прислушиваются к аргументам своих оппонентов. В ходе дискуссий происходит поступательное наращивание научного знания как по отдельным конкретным проблемам революции, так и по занимающему нас центральному вопросу о ее месте в российской и мировой истории. Но это означает, что несмотря на все обозначенные выше трудности, мы все же приближаемся к общезначимому ответу на поставленный в начале статьи вопрос. Правда, как демонстрирует новейшая историография Великой французской революции, это будет сочетаться с постановкой новых вопросов и спорами новых дискуссий. Наконец, последнее. Общая оценка Октября как действительно великой революции и в дальнейшем будет варьироваться в зависимости от доминирующих тенденций социально-исторического развития России и всего мирового сообщества². В этой связи с известной осторожностью можно предполагать в дальнесрочной перспективе растущую востребованность критически осмысленного опыта Русской революции.

¹ Поляков Ю. А. Указ. соч. С.295.

² Вопреки исходящим из праволиберальных кругов пророчествам о грядущей новой «русской смуте» есть достаточно оснований предполагать дальнейшее укрепление совершающихся ныне стабилизационных процессов, ведущих к обретению Россией былого геополитического значения.